

Дмитрий Панков

Юноша,

ЖЕНЩИНЫ

и

нёс Юрик

Дмитрий Панков

Юноша, женщины и пёс Юрик

«Издательские решения»

Панков Д.

Юноша, женщины и пёс Юрик / Д. Панков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908900-7

Книга посвящена приключениям молодого человека, который оказывается участником секретной экспедиции в Сибирь и сталкивается с таинственными событиями. Большую роль в происходящем с ним играют женщины, которые дарят ему свои чувства и свои знания, благодаря чему он приобретает важный жизненный опыт. В Сибири у него появляются друзья и верный пес Юрик. Гадалка делает герою повествования предсказания. Какие из них сбудутся, читатель сможет узнать в продолжении этой книги.

ISBN 978-5-44-908900-7

© Панков Д.
© Издательские решения

Содержание

Проваленный экзамен	6
Свидание	8
Неожиданное предложение в Лялином переулке	10
В первом отделе	12
Прощание с близкими и Ксюшей	14
Подготовка к экспедиции	19
Путешествие по Транссибу	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юноша, женщины и пёс Юрик

Дмитрий Панков

Корректор Мария Черноок

© Дмитрий Панков, 2018

ISBN 978-5-4490-8900-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проваленный экзамен

Провалившись в институт, Петя почувствовал вокруг себя гнетущую атмосферу сочувствия и разочарования. И хотя он никогда не был записным отличником, но считался основательным молодым человеком. Пользовался авторитетом у сверстников и уважением у взрослых. Все возлагали на него большие надежды. Никто не ожидал фиаско, считая вступительные экзамены в данном случае пустой формальностью. Многие из самых близких заранее приготовили подарки. И вот на тебе: не раскрыл тему сочинения... И это он, чьи стихи печатала «Пионерская правда», их декламировали по радио в детских передачах, удостоивали премий на юношеских поэтических конкурсах. У Пети, конечно, хватало самокритики, чтобы не мнить себя новым Пушкиным. Но для написания сочинения при поступлении в медицинский институт он считал свои способности вполне достаточными. Поэтому, готовясь к экзаменам, все внимание сосредоточил на химии, физике и биологии. Что, видимо, его и подвело.

В художественном отношении написанный им опус «О человеке с большой буквы» действительно был хорошим. Это признали даже в апелляционной комиссии. В нем фигурировали Данко, Овод, герои Джека Лондона... Но трагедия заключалась в том, что в сочинении не упоминался Ленин. А по замыслу авторов данного задания, именно ему оно и было посвящено. Такой просчет, с политической точки зрения, являлся абсолютно недопустимым. И тема считалась нераскрытой.

На соседней даче рыдала склонная к гипертрофированным реакциям на происходящее подружка детства Ксюша. С недавнего времени она стала осознавать, что любит его не сестринской любовью, а значительно сильнее. Да и родители с обеих сторон давно уже в своих планах, не сговариваясь, их поженили. И поэтому Ксюша рассматривала его провал как удар по собственному престижу.

Деланно веселой старалась казаться мама, уйдя с головой в подготовку дня рождения мужа, приходившегося на конец первой декады августа. А тот, разом посуровев, погрузился в свои дела, пытаясь отвлечься от неприятного «подарка», сделанного сыном.

Обожавшая Петю тетка, мамина сестра, уверяла всех, что это, скорее всего, ошибка экзаменационной комиссии, которая обязательно будет исправлена... Но где и как, она не очень хорошо себе представляла!

Родной старший брат отца успокаивал себя и племянника, рассказывая, как того самого несколько лет не принимали в институт за дворянское происхождение. В обоих случаях он считал косвенно виноватым Ульянова-Ленина. Но полагал, что принадлежность к родовой аристократии требует умения гордо «держаться удар», не сдаваться и в конце концов добиваться поставленной цели. При этом трудности на пути мужчины, по его мнению, нужно расценивать как благо, обеспечивающее формирование характера, готовность к неизбежной «дуэли» с репрессивной и недалекой нынешней властью.

Петя любил общаться со своим дядей, ценил его старорежимные манеры, подкупавшие дам, большую эрудицию. Повзрослев, он узнал про случавшиеся у того гусарские загулы с вином и женщинами. В нем, видимо, просыпался типичный гвардейский офицер. Эти пикантные подробности из дядиной жизни Петю забавляли, расцветчивали личность близкого родственника дополнительными красками. Но и понятие «долг перед Родиной» для дяди не было пустым звуком. Это он доказал своими подвигами во Вторую мировую. Петя любил с ним беседовать, так как получал информацию об истории страны и семьи, отличную от официальной.

Но отсутствие упоминания о Ленине во вступительном сочинении не было выходкой юного диссидента. Для Пети, родившегося и выросшего в СССР, рассуждения о дворянском долге казались красивыми и наивными. А Ленина он, как и его сверстники, считал добрым и высоко порядочным человеком, недосягаемым примером для подражания. Проблема была

в том, что Петя просто каким-то образом оказался не в курсе обязательного для раскрытия каждой экзаменационной темы содержания. Школьные учителя ценили его поэтический дар, начитанность и ставили пятерки по литературе не задумываясь. Это и вышло Петру, что называется, боком. Знал бы он об обязательных требованиях, указал бы всех, кого нужно, будь то Ленин или черт с дьяволом, лишь бы приняли в институт.

В отличие от него бывшие одноклассники его высокоинтеллектуального математического выпуска находились в предвкушении студенческой жизни и наслаждались оставшимся до ее начала теплым солнечным летом. Настроение Петра резко отличалось. Ему не только было стыдно из-за своего провала, но и казалось унижительным стать объектом сочувствия и снисхождения тех, кто еще недавно считал его своим лидером. Поэтому он отсиживался на даче, а точнее, валялся с историческим романом в своей маленькой чердачной комнатке на узкой тахте, погружаясь в события давно минувших лет и отвлекаясь тем самым от депрессивного настоящего.

Но, отрываясь время от времени от романа, Петя начинал раздумывать о том, чем ему следует заняться дальше в реальной жизни. Планы в голове сумбурно сменяли друг друга. Часть их была вполне прагматичной. Например, намерение устроиться лаборантом на одной из кафедр вожделенного вуза и начать делать первые шаги в науке и медицине.

Петя хотел стать ученым и врачом, как отец, который был для него идеалом. Ему с детства нравилась обстановка научной лаборатории, таинство выходящих из-под пера самописцев кри-вых, отражавших биотоки человеческого мозга, ощущение близости прорыва в неведомое. Его возбуждала атмосфера конференций и конгрессов, на которые отец его иногда с собой брал, где собиралась интеллектуальная элита и в воздухе, казалось, висела сгустившаяся аура идей и мыслей. И в то же время он видел людей, вылеченных его отцом, которые боготворили своего спасителя и олицетворяли практический результат исследовательской деятельности. Петю завораживал вид книг и брошюр с фамилией отца на обложке, и ему хотелось тоже достичь такого уровня, чтобы собственные мысли и открытия стали достойны публикаций.

Но были и романтические идеи. Ему мечталось уехать с какой-нибудь экспедицией на полюс. Пете представлялось, как неожиданно в телевизионной передаче о героической жизни полярников все увидят его и будут им гордиться. Или отправиться в большой приморский город, наняться матросом на корабль, бороздящий моря и океаны. А через год вернуться обветренным морским волком, повидавшим чужие страны и континенты. Пройтись по знакомым местам в бушлате и бескозырке, свысока поглядывая на своих не нюхавших воздуха дальних странствий ровесников!

Конечно, Петя осознавал иллюзорность этих фантазий. Никому он не был нужен на совершающих дальние рейсы кораблях или в отправляющихся к полярным широтам экспедициях. Туда брали опытных, проверенных людей, специалистов в своем деле, а не желторотых юнцов, только что покинувших школьную парту. И за это прожектерство он еще больше себя осуждал.

«А что, – думал он, – если я так и буду всю жизнь упиваться воображаемыми подвигами, а на самом деле довольствоваться судьбой маленького, незаметного, скромного и никому не нужного человечка?»

Свидание

Но малодушно прятаться на даче ему в конце концов надоело. И Петр отправился в Москву забрать из института свои документы и поинтересоваться там вакансиями. Одновременно он питал надежду встретиться с девушкой Ланой, подругой Ксюши, навещавшей ее на даче. Конечно, Ксюша, заметив возникшую между Петром и Ланой симпатию, тут же отправила подругу назад в Москву. Но та успела передать Пете номер своего домашнего телефона.

Петя хорошо относился к Ксюше. И в его окружении она была, наверно, одной из самых привлекательных девушек. Подтверждением тому являлась влюбленность в нее Петиного закадычного друга. Но молодому человеку хотелось открытий в романтической сфере, интриги, новизны впечатлений. А с Ксюшей это было невозможно. И поэтому попытки родителей с обеих сторон подтолкнуть их к этому браку Петю раздражали. Он считал, что никаких обязательств у него перед Ксюшей и ее семьей нет.

Другое дело Лана! Она сразу его заинтересовала не только своими внешними достоинствами, но и богатым внутренним миром. В ней чувствовалась целеустремленность, эстетизм и что-то еще. И он надеялся, что эта встреча разбавит его мрачное настроение положительными эмоциями.

И действительно, сначала свидание на скамеечке в Нескучном саду превзошло самые смелые Петины ожидания. Молодой человек робко привлек к себе девушку, но уже через несколько минут они бурно обнимались и страстно целовались! Она многое, по его юношеским понятиям, ему разрешила. Петя воодушевился! Молодому человеку показалось, что хотя бы на любовном фронте ему крупно повезло. Но когда его рука стала слишком активно себя вести у нее под юбочкой, Лана вдруг резко прервала наступление на свои прелести. Она встряхнулась, убрала назад в бюстгальтер вынутую молодым человеком оттуда пышную грудь, привела в порядок юбку. А затем откашлялась и слегка осипшим от только что бушевавших эмоций голосом разъяснила ему свою позицию. Девушка объявила, что Петр ей нравится, но она в настоящее время не может себе позволить любовное увлечение. Она, студентка музыкального учебного заведения, серьезно готовится к карьере исполнительницы. И ее считают очень талантливой. А это предполагает большую работу с инструментом и над вокалом. Любовный роман может ее отвлечь, помешать достичь совершенства. А потому, как ей ни жаль, она должна оборвать их отношения и расстаться с Петей. Да и тому сейчас следует думать не о любви, а о том, чтобы наконец поступить в вуз.

Это был еще один удар, усугубивший Петино жизненное фиаско. Петр, конечно, понял и то, что Лана ему не сказала: она не видела в нем опоры. Наоборот, это он нуждался в настоящее время в поддержке. А она не хотела отвлекаться на барахтающегося в своих проблемах юношу, хоть он и был ей симпатичен. Осознав эту подоплеку сказанного, Петя не стал с Ланой спорить. Он был горд и хотел, чтобы его ценили.

«Придет время, и она будет жалеть о том, что оттолкнула меня!» – подумалось молодому человеку. Хотя твердой веры в такой ход событий у него, конечно, не было. Но он принял решение держать удар. Тем более что некоторый опыт общения с женским телом он на этом свидании приобрел. А в семнадцать лет это тоже чего-то стоит.

Поэтому Петя с улыбкой встал со скамейки, галантно предложил Лане опереться на его руку и повел ее домой, на Полянку. По дороге он рассказывал про окружающую их старинную архитектуру, вспоминал весьма кстати анекдоты. Он вел себя так, как будто не обратил внимания на ее отповедь. И был, что называется, в ударе. Лана то затаив дыхание слушала его рассказы про драматические события, разворачивавшиеся в больничных корпусах на этой территории в войну 1812 года, то хохотала над комичными ситуациями, происходившими с ним

и его школьными друзьями. Около станции метро «Добрынинская» он купил ей букет и шоколадку. А у дверей дома начал церемонно прощаться, подводя черту под их отношениями.

– Петя, я уже жалею о том, что тебе наговорила! Я поняла, что ты значительно лучше и нужнее мне, чем я думала. Не пропадай, пожалуйста! Я переоценила свою решимость с тобой порвать.

– Я подумаю, Лана, что из тобой сказанного тогда и сейчас мне принять к сведению! – рассмеялся Петр.

Он наклонился к ней, а она подставила ему свои губы, обняла и наградила долгим поцелуем.

– Вот это тоже прими к сведению! – воскликнула Лана, оторвавшись от юноши, и нырнула в свой подъезд.

Петр отправился ночевать на московскую квартиру, находясь по понятным причинам в некотором смятении. Отчасти он был доволен собой и понял, что правильно повел себя с Ланой. А еще он осознал, что на ситуацию, развивающуюся по негативному сценарию, сохраняя присутствие духа, можно повлиять. И теперь, когда «мяч был на его стороне», он раздумывал над тем, продолжать с Ланой встречаться или нет. Конечно, достойным ответом на ее демарш на скамейке было бы прекращение отношений. Да и не исключено, что с началом учебного года ей действительно станет не до него. Но ее губы, горячее тело, страстные объятия не так просто было забыть! Они манили семнадцатилетнего юношу.

– Сделаю паузу, а там будь что будет! – решил он, дипломатично идя навстречу сразу обоим возможным решениям. – Если я за время паузы сумею от нее отвлечься, то и хорошо! А если нет, то тогда позвоню и назначу свидание.

Пройдут годы, и Лана снова появится в его жизни. Но это будет уже совсем другая история про взрослых, достигших определенных жизненных успехов людей...

Неожиданное предложение в Лялином переулке

Дома Петя обнаружил письмо, в котором ему предлагалось принять материальное участие в поздравлении старейшего учителя их школы. Ответственной за сбор средств от выпуска их года была указана одноклассница Галя. Желающие могли зайти к ней в ближайшие дни домой и сделать посильный вклад.

Петю чрезвычайно удивило, что именно Гале, которая никогда ни в какой общественной жизни класса не участвовала, да и перевелась в их школу всего два года назад, было дано это поручение. Видимо, она зашла в их альма-матер за какой-нибудь справкой, и ее как единственную попавшуюся под руку представительницу данного выпуска подрядили на это дело.

Галя была тихой, незаметной, скромной. Но и загадочной. Дружбу с одноклассниками не водила, хотя и не сторонилась их. Зато, по слухам, вне класса у нее была какая-то большая и интересная жизнь, много друзей. Кто-то из ребят слышал ее выступление по всесоюзному радио, где Галя увлеченно рассказывала о работе клуба, участницей которого была. Члены этого клуба, созданного при МГУ, вместе путешествовали, что-то там увлеченно искали, их объединяли очень красивые и высокие отношения.

Галя, пожалуй, была единственной из класса, с кем Петр не стеснялся встретиться в своей непростой жизненной ситуации. Он был уверен, что ее его обстоятельства практически не интересуют. А вот ему было любопытно посмотреть на место обитания этой загадочной особы. Он никогда не встречал представителей Галиной семьи, состоявшей из родителей и старшей сестры. Но несколько раз слышал, как Галя с восторгом о них отзывалась.

Судя по указанному в письме адресу, эта семья занимала комнату в общей квартире старого дома, находящегося в Лялином переулке. Петю всегда очаровывало это название московской улицы, разделенной надвое перекрестком в виде правильной пятиконечной звезды. Ему почему-то думалось, что на ней когда-то находился детский театр или кукольная мастерская. И только значительно позже он с сожалением узнал, что произошло это необычное название переулка всего лишь от фамилии одного из дореволюционных домовладельцев.

Молодой человек подошел к этому дому как раз тогда, когда вся женская часть Галиной семьи стояла в затруднении у своего подъезда. Они вернулись из больницы, забрав выписанную после удаления аппендицита Галину старшую сестру. Да еще и накупили по дороге провизии. А теперь не знали, как им все это, включая больную, втащить на свой верхний этаж при отсутствии лифта. Петя в качестве мужской силы оказался очень кстати. Он отнес на руках в сопровождении матери и устроил на диване обессилевшую после операции молодую женщину, а потом спустился и помог своей однокласснице затащить сумки и авоськи.

Галя была очень горда тем, что помощь пришла с ее стороны, а не откуда-то еще... Видимо, этой ситуации предшествовало какое-то выяснение отношений между женщинами...

Дамы усадили Петю пить чай и ввели в курс всех своих последних событий. Главной радостью в их семье было, конечно, поступление Гали на географический факультет МГУ. Петя их с этим от души поздравил. А несчастье заключалось в том, что у них рушились планы участвовать в серьезной научной экспедиции, которая планировала работать сентябрь и октябрь в таежных местах Т-энской области Сибири. Попасть в эту экспедицию сестры смогли только благодаря давним дружеским отношениям с ее руководителем и его протекции. При этом они, таинственно понизив голос, намекали на то, что экспедиция была почти секретной, их кандидатуры проверяли и попасть в число участников было проявлением большого доверия...

Галя, которая была уверена, что провалится в университет, должна была участвовать в экспедиции в качестве лаборанта. Но теперь, став студенткой, уехать из Москвы не могла. А ее сестра, являясь аспирантом МГУ, все лето проработала в приемной комиссии родного

исторического факультета, что давало ей право перенести свой отпуск на осень и воспользоваться этим для участия в экспедиции. Она страстно этого хотела, но неделю назад у нее возник приступ острого аппендицита, потребовавший операции. Это, конечно, перечеркивало ее планы на поездку! И теперь получилось, что обе сестры крупно подвели своего хорошего знакомого, начальника экспедиции. Ему предстояло срочно искать замену двум очень нужным в данной поездке людям. Главная трудность была связана еще и с тем, что экспедиция была не летней, а осенней.

Летом, в отпускной период, найти замену в такие короткие сроки тоже было бы сложно, но можно. Среди отпускников и гуляющих на каникулах студентов имелось немало желающих съездить за счет государства в заповедные места Сибири на любой экспедиционной должности. Например, Галина сестра должна была выполнять функции завхоза и поварихи. Но осенью найти замену было почти невозможно, да еще и в сжатые сроки. Кроме того, в столь ответственную экспедицию ни в коем случае нельзя было приглашать случайных людей!

Во время этих разговоров навесить больную приехала ее подруга, старший преподаватель одной из кафедр филфака МГУ. Она тоже работала летом в приемной комиссии исторического факультета, проверяла там сочинения абитуриентов и подружилась с Галиной сестрой. Это была миловидная стройная привлекательная улыбчивая женщина лет тридцати пяти. Галина сестра ее называла то Оля, то Ольга Петровна. Ольгу Петровну посвятили в возникшую проблему, и она неожиданно предложила заменить Галину сестру в этой поездке. Как человек, работавший летом, она тоже имела право перенести отпуск на осень. В Сибири Ольга Петровна не была, и идея ей понравилась. К тому же муж у нее находился в долговременной командировке, и она не очень хорошо себе представляла, чем заняться одной в отпускное время.

Тут и Петя предложил свою кандидатуру вместо Гали на должность лаборанта. Он подумал, что это будет самый лучший выход из его ситуации! Участие в таежной научной экспедиции было ничуть не хуже, а даже лучше отъезда на полюс, где сплошные однообразные льды или болтанки в океане, о чем он «бредил» на даче! Таким образом, фантазии, за которые он себя презирал, совершенно неожиданно получили возможность превратиться в реальность! Ради такой перспективы ему уже не жалко было свободного от учебы года. Ведь это здорово – уехать в таинственную, с богатой таежной природой Сибирь, в секретную экспедицию, навстречу приключениям. А выражение «научная экспедиция» звучало очень солидно и романтично!

Сестры ошеломленно смотрели то на Ольгу Петровну, то на Петю! Им не верилось, что выход из только что бывшей совершенно неразрешимой ситуации нашелся чуть ли не в одно мгновение.

В первом отделе

На следующий день Петр и Ольга Петровна приехали знакомиться с руководителем экспедиции Валерием Петровичем, старшим научным сотрудником НИИ природы АН СССР. Это был серьезный с внимательным, вдумчивым и спокойным взглядом бородатый человек с лысиной. Примерно таким Петя и представлял себе бывалого экспедиционного «волка»! Познакомившись, он пошутил о том, что все они Петровичи. Мол, хорошо, что хотя бы фамилии разные:

- А то могут в отделе кадров за родственников принять! Начнут палки в колеса ставить!
- Всегда приятно, когда начальник с юмором! – кокетливо ответила ему Ольга Петровна.

А Петя с любопытством осматривался. Когда он узнал, от какого солидного учреждения эта экспедиция, его переполнил восторг. И он представил себе этот институт в виде некоего храма. Но, приехав по указанному адресу в один из переулков, отходивших от улицы Дмитрова (ныне Б. Якиманка), он обнаружил, что отдел, в котором работал Валерий Петрович, – это маленький одноэтажный домик с крохотным садиком. В этом домике все было заставлено столами и завалено каким-то хламом. Людей было немного. Видимо, все были в отпусках или экспедициях.

– Времени до отъезда остается мало, а дел много! – с этой присказкой Валерий Петрович стал вводить их в курс дела. В завершение он созвонился с отделом кадров института, назвал их фамилии и попросил зачислить в штат экспедиции, а заодно подготовить на этот счет приказ. В ответ Ольге Петровне и Пете продиктовали список документов, необходимых для оформления. Они обещали все это на следующий день предоставить в кадры.

Петя впервые в своей жизни устраивался на работу. Он считал, что общение с отделом кадров – пустая техническая формальность, раз руководитель экспедиции туда позвонил и обо всем договорился. Да и лаборантская должность, на которую он претендовал, не относилась к разряду престижных. Но выяснилось, что реплика Валерия Петровича про родственников только отчасти была шуткой. Документы у него приняли, но это еще не означало быть зачисленным на работу. Петра отправили для собеседования в первый отдел института. Там его заставили томиться в ожидании у двери с надписью «Посторонним вход запрещен». А когда впустили, то он увидел сурового вида женщину в круглых очках с препарирующим душу взглядом. Его бумаги уже лежали на ее столе. Она долго и подозрительно их перебирала, просматривала, а потом стала задавать вопросы про родственников. Ей очень не понравилось, что родители Пети являются беспартийными. И она стала у него выяснять их отношение к советской власти. Несколько смягчила ее натиск грамота, полученная самим Петей от райкома комсомола, и то, что он был членом комитета комсомола школы. Но еще больше ее интересовало, есть ли у него по линии отца родственники за границей среди белых эмигрантов и их потомков, а по линии матери – родня в Израиле или Америке. Петя про таких родственников никогда ничего не слышал и точно мог засвидетельствовать отсутствие каких-либо контактов с заграничной.

Еще более сложной его ситуация оказалась в глазах этой дамы на уровне дедушек и бабушек. По отцовской линии они были дворянами, но в советское время работали на ответственных должностях в учреждениях с высоким уровнем секретности: бабушка в министерстве иностранных дел, дед – в министерстве среднего и тяжелого машиностроения. А вот у мамы родители были репрессированы. И хотя впоследствии их реабилитировали, серьезная дама считала кампанию по реабилитации ошибочной:

- Товарищ Сталин никого зря не сажал! – заявила она с апломбом Пете.

Затем в ее кабинет зашел мужчина, брюнет с румяными щеками и пронзительным отталкивающим взглядом. Он молча и пренебрежительно разглядывал какое-то время Петра,

а потом они вместе с дамой вышли в соседнюю комнату и закрыли за собой дверь. Через некоторое время дама явилась, откашлялась и задала Пете вопрос:

– Молодой человек, из каких источников вы узнали об этой экспедиции?

Петя ей рассказал, как было дело.

– А вы знаете, что эта экспедиция связана с секретностью?

Петя догадался сделать вид, что первый раз об этом слышит.

– Мы, так и быть, окажем вам большое государственное доверие, но вы должны будете подписать бумагу о неразглашении на протяжении двадцати лет информации о том, чему станете свидетелем в качестве лаборанта. И особенно это касается аппаратуры, к которой вы будете иметь доступ! Вы согласны?

Петя не возражал и подписал предложенную ему бумагу.

Он с облегчением покинул это помещение и его обитателей, пропитанных какой-то брызжущей через край злобной подозрительностью. Эти люди явно пытались ему внушить чувство вины за то, что его родители не члены партии и тому подобное. Но если кто-то за последнее время и мог вызвать у него ощущение недоверия и брезгливости, то как раз данная парочка, работающая в первом отделе. Его впервые посетила мысль о том, что коли таким деятелям поручены кадровые вопросы, то его страна в большой опасности. Во всяком случае, Советский Союз во главе с компартией, доверяющий подбор кадров подобным экземплярам, обречен. Но серьезно раздумывать над этой провидческой идеей молодой человек не стал, надеясь, что имеет дело с частным случаем, характерным только для НИИ природы. Значительно больше его увлекла информация о секретности предстоящей экспедиции. Для мальчишеского восприятия Пети все, что являлось секретным, должно было быть особенно интересным и увлекательным! А следовательно, оно стоило того!

И поэтому он с удвоенным энтузиазмом взялся за подготовку данного предприятия. Как и предупреждал Валерий Петрович, дел было много. Предстояли разнообразные закупки, требовалось всякое разное получить на складе, кое-что необходимо было взять взаймы в других организациях, достать продуктовый дефицит типа сухой колбасы, все это пометить, разложить, упаковать, записать в отдельный блокнот, где что лежит, и прочее. Но сначала необходимо было продумать реалистичный рацион питания, предусматривающий болезни некоторых участников экспедиции, постараться сделать его разнообразным и исходя из этого рассчитать количество всего необходимого на человека в сутки, пересчитать это на два с лишним месяца и еще предусмотреть резерв. Не забыть охотничьи ружья, патроны, снасти для рыбалки, рабочую одежду, спальники и многое другое. Это все было поручено Ольге Петровне. А Петр должен был ей помогать технически, то есть таскать тяжести. Но Ольга Петровна как филолог считать не умела. А Петя кончил математическую школу. Поэтому все расчеты он взял на себя. И его шефиня была ему за это очень благодарна.

Прощание с близкими и Ксюшей

Но сначала он отпросился у Ольги Петровны на одни сутки, чтобы побывать за городом и предупредить родителей о своем отъезде. Тогда телефонной связи между городом и дачными поселками не существовало, и любое сообщение могло быть доставлено либо по почте (что в данном случае не годилось), либо лично.

На родителей, конечно, известие об отъезде Пети в далекую экспедицию произвело шокирующее впечатление. В семье, пострадавшей от революции, войн и репрессий, старались дружно держаться друг друга, образуя маленькую, но сплоченную среду, противостоящую любым напастям. Без особой нужды ее никто не покидал, опасаясь отсутствовать как раз тогда, когда будет нужно. Отпуск проводили на даче, которую очень любили. Нередко там собиралось весьма изысканное общество. И то, что Петя вознамерился добровольно, ни с кем не посоветовавшись, отбыть в невозможно далекую Сибирь, в дикую тайгу, в места, недостижимые для писем и телеграмм, было чрезвычайным и из ряда вон выходящим событием. Но и удерживать его у родителей тоже не было оснований. Мальчик вырос и имел право начать познавать огромную страну, в которой он жил. В конце концов, Петя принадлежал уже к новому поколению и должен был приспособливаться к современной ему действительности. Да и уезжал молодой человек туда не праздным туристом, а в составе серьезной экспедиции академического института.

Он провел вместе с родителями теплый августовский вечер. Папа достал из своих загашников коньяк, дядя, родной старший брат отца – хорошее грузинское вино. Мама приготовила курицу и вкусные салатки. Пришла соседка Ксюша, ее родители и старший брат с гитарой. Ксюшина мама приготовила и принесла любимые Петей вареники с вишней. Мужчины пили коньяк, женщины – вино. После тостов и воспоминаний квартет из Ксюши, ее отца, брата и Петиной мамы запел красивые украинские песни. Потом папа вместе со своим братом под аккомпанемент гитары с какой-то особо проникновенной ностальгией, выдававшей в них реальных персонажей «Белой гвардии» Булгакова, спели щемящие душу «Очи черные», «Станканчики граненые» и другое из репертуара, считавшегося в СССР белоэмигрантским. И затем все вместе – «Вечерний звон». А утром Петя попрощался и уехал на пригородной электричке в совсем другую, взрослую жизнь! Однако перед этим произошло еще одно событие.

Пока все были заняты приготовлением прощального ужина, молодой человек отправился в свою чердачную комнатку для того, чтобы навести там порядок и отобрать вещи, необходимые ему в экспедиции. Через некоторое время он услышал легкие шаги по ведущей к нему лестнице. Он их, конечно, узнал. Это могла быть только его закадычная подружка, которая на протяжении всей их сознательной жизни бесчисленное количество раз взлетала к нему наверх то для того, чтобы разбудить утром и идти на рынок, то для того, чтобы оторвать от книги и позвать на речку или в лес за грибами, или по каким-то другим их ребячьим делам. И действительно, к нему в комнату постучалась, а затем, не дожидаясь отклика, по-свойски заглянула Ксюша. Как обычно, она впорхнула в его по-спартански обставленные апартаменты и уселась рядом на тахте.

– Петь, это правда, что ты бог знает куда уезжаешь?

– Да, Ксюша. Еду в Сибирь с экспедицией.

– Господи! Что тебя туда понесло?!

– Ты не понимаешь: это уникальная возможность, с которой мне фантастически повезло!

Предстоит очень интересная работа. Собрались удивительные люди, ученые. Ну, а потом, должен же я чем-то заняться!

– А что ты там будешь делать?

– Ксюш, это секретная экспедиция, я дал подписку о неразглашении!

– Господи! Час от часу не легче!!! А что, в таком огромном городе, как Москва, нельзя найти занятие? Например, устроиться лаборантом в какой-нибудь НИИ?

– А я и устроился лаборантом, но не в какой-нибудь НИИ, а в самый лучший, институт природы АН СССР. К тому же в экспедиции я буду получать зарплату больше той, которую платят в Москве. К этому еще добавь бесплатное питание. А кроме того, за счет государства прокачусь по Транссибу, увижу Сибирь и тайгу!

Эти аргументы Ксюше были понятны. У нее в семье привыкли считать каждую копейку. Но все равно Петины действия шли вразрез с ее планами.

– Петя, по-своему ты прав. Но дело в том, что я очень не хочу, чтобы ты уезжал!!!

– Почему?

– Я буду за тебя волноваться, переживать! Не смогу как следует сосредоточиться на учебе. К тому же я уже задумала, что по выходным мы с тобой начнем встречаться, как взрослые, гулять, ходить на выставки, в театр. В нашем музыкальном училище нам часто дают контрамарки на концерты. Мы должны их посещать по учебной программе. И я всегда могу попросить две. Для себя и своего...

– Кого?

– Ну, Петя, ты же все понимаешь...

И она прислонилась к нему, начала гладить волосы, а потом обеими руками повернула к себе лицо молодого человека и стала покрывать поцелуями глаза, нос, губы... Петя в ответ обнял Ксюшу, ощутил под тоненьким сарафаном ее трепещущее хрупкое тело... А затем... Юноша даже не понял, как это произошло... Ксюша оказалась лежащей, а он по-мужски ухаживал за ней... Одной рукой Петя сдвинул кверху юбочку и гладил поверх голубых трусиков то, что было ими скрыто. А другой – расстегнул сарафан на груди, обнажил ее заметные девичьи выпуклости и целовал их в манящие розовые сосочки. Ксюша тихо постанывала, притягивала его к себе за шею и теребила волосы. Молодой человек осмелел, пробрался ей под трусики и стал ласкать шелковистость ее причинного места, манящую ложбинку, ощущая нарастающее там возбуждение. Ксюша стонала все громче, гладила его руки, как бы поощряя их активность, приподнимала голову, целовала молодого человека куда придется, а потом снова роняла ее на подушку. Но почувствовав, что пальцы Пети совсем осмелели, тихо, сквозь прерывистое дыхание, предупредила:

– Осторожнее... руками... Я же девушка!

– Ну, так надо это исправить! – предложил он в запале нахлынувших эмоций и ощущений.

– Исправляй! Ох! Если не ты, то кто?!

И Петя потянул ее трусики вниз. Ксюша чуть приподняла спину, и они беспрепятственно заскользили по ногам, но где-то на уровне коленок она ухватилась за них и прервала этот процесс, как будто вспомнив что-то:

– Подожди! Обещай, что там, в Сибири, ты не будешь мне изменять!

Петя изумился и задумался. Он как будто очнулся:

– Ксюш! Ну с кем я тебе могу там изменить? В нашей экспедиции три взрослые тетки, две из которых при мужьях! А в дикой тайге за кем мне ухаживать? За медведицей? Если только я там с Красной Шапочкой или Золушкой не повстречаюсь! Ха-ха-ха!

– Ну, хорошо, тогда обещай, что когда вернешься, ты на мне женишься! Особенно если я забеременею!

Петя задумался еще больше. Такой прагматизм девушки вернул его с небес на землю.

«Так, – подумал молодой человек. – Вот он, капкан! Передо мной сияют все ее прелести, и у меня нет сил отказаться от обладания ими. Сейчас я скажу да, она отпустит штанишки, и... я превращусь в почти женатого человека. Но, может, это и есть тот вариант, когда синица в руке лучше, чем журавль в небе?»

– Обещаю! – произнес Петр и тяжело вздохнул. Энтузиазм, владевший им еще минуту назад, улетучился. Он рассматривал с детства знакомую ему еще по играм в песочнице родинку Ксюши в виде кляксы на верху правого бедра. А на левой груди была еще одна выпуклая родинка, которую он не раз нащупывал, забираясь рукой к ней за пазуху... Все было привычно и почти прозаично...

Став подростками, они, оставшись одни, часто затевали возню, не поделив какую-нибудь ерунду: Ксюша набрасывалась на молодого человека с кулачками, а он ее умирал. В этой потасовке Петя не упускал возможности задрать ей юбочку, наплевать по попе, взять ее за груди, крепко обнять, уложить или усадить к себе на колени. Ему нравилось видеть, как в глазах девушки при этом появляется туманная поволока и из агрессора она превращается в послушную ему пленницу. Иногда она своей ладошкой останавливала руку Петра там, где ей были особенно приятны его касания, и начинала своей щекой тереться о его щеку или подставлять губки для поцелуя. И Пете без слов было понятно, как девушка к нему относится и что их ждет... Возможно, она даже недоумевала по поводу его нерешительности и устраивала провокации. Например, приобретя обновки, Ксюша тут же с нетерпением бежала к нему их продемонстрировать. Она закрывала на щеколду дверь, командовала:

– Отвернись!

Но никогда не настаивала на выполнении этого приказа и начинала при нем, как при супруге, их примерять, приговаривая:

– Ну что? Красивая, эффектная у тебя девушка?! А теперь помоги мне это снять!

Поэтому Ксюша не была для него закрытой книгой, и как раз данный факт останавливал молодого человека от последнего шага в направлении близости. Петя с тоской подумал, что сейчас он дочитает эту книгу до конца и потеряет к ней интерес. А обязательства останутся! Его тянуло к каким-то необычным, загадочным женщинам, которых надо было завоевывать, покорять... Такие мысли проносились у него в голове, пока Ксюша расставалась с нижней деталью своего белья. Наконец она призывно раздвинула ножки, и он услышал:

– Тогда иди ко мне! – И Петя, влекомый открывшейся перед ним соблазнительной картиной и пониманием того, что давать задний ход перед призывно раскрывшейся перед ним девушкой уже поздно и неловко, занялся своими брюками. Но в это время снизу, с террасы раздался строгий голос мамы:

– Дети, быстро спускайтесь! Ужин на столе!

– Мам, сейчас!

– Никаких «сейчас»! Спускайтесь, все вас ждут! Через три минуты будьте за столом!

Возможно, это было совпадение. А может, родители Пети что-то услышали и догадались о происходящем у них над головой. Но на Петю это подействовало отрезвляюще.

– Ксюш, ничего не поделаешь! Надо спускаться.

И Петя, с сожалением гася мужской энтузиазм, разогретый видом обнаженной Ксюшиной женственности, начал застегивать только что распушенный им ремень брюк.

– Что? Ты с ума сошел? С порядочной девушкой, которая лежит раздетая на твоей тахте, раздвинув ножки, и ждет тебя, достойный молодой человек так не поступает!!! Так только со шлюшками можно себя вести!

– Да ладно! Не горячись! Мне, может, еще труднее отказаться от такой роскошной возможности. Но мы с тобой еще все успеем! А вот скомпрометировать я тебя ни в коем случае не хочу. Вставай!

Сожалея об упущенном удовольствии, в глубине души он был рад, что избежал джентльменских обязательств по отношению к своей «синице».

– Испугал! Может, я бы даже и не отказалась быть тобой скомпрометированной. Отвернись! Я приведу себя в порядок.

Ксюша поняла, что в настоящее время свобода, замаскированная под роль послушного сына, для ее молодого человека важнее, чем та страсть, которую она могла ему внушить, обольщая доступностью своих сокровенных прелестей.

«Ах! Не вовремя мне пришла в голову мысль выдвинуть ультиматум! – раздумывала она, натягивая трусики и застегивая сарафан. – Потеряла момент, снизила градус эмоционального накала и дала Петру возможность опомниться. А так куда бы он делся, лишив меня девственности? Я бы сразу объявила о случившемся и тем и другим родителям. И они взяли бы его в оборот с двух сторон! А я, изобразив из себя соблазненную невинность, могла бы настаивать на чем-то вроде немедленной помолвки... Ох! Не нужно мне было ставить условия в такой интимный момент!»

Надо сказать, что ее попытка соблазнить Петю имела свою предысторию. Дело в том, что несколько дней назад она, созваниваясь с однокурсницей, узнала, как Лана хвасталась своей новой победой на любовном фронте, рассказывая про Петю, которого вроде как отбила у Ксюши, считавшей этого молодого человека чуть ли не женихом. Ксюша тут же перезвонила Лане и пообещала выцарапать ей глаза, если она не оставит Петра в покое. Это произошло как раз тогда, когда Лана собиралась идти на свидание с ним в Нескучный сад. Сначала Лана отнеслась к этой угрозе серьезно и заявила Пете о необходимости расстаться. Но после прогулки с ним раздумала, осознав, что сама не на шутку увлеклась молодым человеком...

А Ксюша тем временем устроила на эту тему «военный совет» со своей мамой. И та рекомендовала форсировать отношения с другом детства.

– Не будь душой, Ксения, – внушала ей мать. – Хватит строить из себя недотрогу!

– Мам, да он меня столько раз тискал... Не такая уж я для него и недотрога!

– Это совсем иное. Сейчас не восемнадцатый век. За то, что парень тебя приласкал, ты его оженить на себе не можешь. От тисканья дети не рождаются! Другое дело, если он тобой воспользовался! За это порядочный молодой человек уже должен отвечать! Поняла, к чему я веду?

– Вроде поняла...

– Учти! Петр целеустремленный парень и, поверь мне, своего в жизни добьется. У него прекрасная семья, которая тебя с детства знает и любит. Такие молодые люди на дороге не залеживаются. Твоя подружка Лана это сразу раскусила. И если ты будешь растерянно хлопать глазами, его в два счета уведут у тебя из-под носа. А время работает не на женщин. Через несколько лет о себе заявит новое поколение барышень, которые пока в песочницах играют. Не успеешь оглянуться, и они начнут отбивать у вас сегодняшних ровесников, уже чего-то достигших в этой жизни. А вас презрительно именовать «старыми клюшками»! Для того чтобы этого не случилось, нужно уже сегодня стать родной и близкой для своего избранника и родить ему детей. Для таких основательных мужчин, как Петр, семья – это святое! И даже если такой муж налево сбегает, все равно вернется. Ты думаешь, у твоего папаши никого, кроме меня, не было? Ошибаешься. Но куда он мог деться от преданно заботящейся о нем жены, очаровательных детей и семейного уюта? Так что не теряй времени, действуй!!!

И вот Ксюша начала действовать. И ведь почти получилось! Но в чем-то она совершила серьезный промах. И ей ничего не оставалось, как, надувшись, спуститься вместе с Петей вниз, к столу. Свое плохое настроение она объяснила всем переживаниями в связи с Петиним отъездом. А сама все продолжала обдумывать случившееся.

«Ох! Не нужно мне было заводить разговор о женитьбе в столь интимный момент! Говорила же мать, что на мужиков упоминание об этом действует как ледяной душ! К ним нужно с подходцем... – сообразила наконец она. – Дура я, дура! Ну, ничего. Вернется из своей Сибири, сделаю еще один заход с учетом этого опыта. Надеюсь, в тайге никакая медведица или Красная Шапочка его у меня не умыкнет!»

Эти мысли ее успокоили, она повеселела, а после выпитого винца уже готова была запеть любимые у них в семье украинские песни.

Подготовка к экспедиции

На следующее утро Петя возвращался в Москву на пригородной электричке и вспоминал происшедшее. Он, конечно, не имел понятия о наличии закулисных интриг вокруг своей персоны, о взаимообусловленности поведения Ксюши и Ланы. Ему казалось, что это он очень ловко лавирует между ними, выбирая ту, которая милее его сердцу.

«А кто, собственно, из них лучше? – спрашивал он себя. – Тоненькая, изящная, несколько инфантильная, с истеричкой, но давно мне знакомая Ксюша? Или романтическая, фигуристая, женственная, с твердым характером Лана? И почему я вчера не воспользовался Ксюшей? Мне же очень, очень хотелось! Но что-то меня остановило...»

Неосознанно Петя ощущал, что закончилась та часть его юношеской жизни, в которой огромным достижением в завоевании девушки было ее согласие на совместные прогулки, касания друг друга, поцелуи. В общем-то, невинные вещи. Начался совсем другой, более серьезный этап. Он сулил новые, недоступные раньше удовольствия. И о наступлении этой эпохи свидетельствовало воспоминание о лежащей на его тахте Ксюше, которая была счастлива от всего, что он с ней делал, не устанавливая границ и препятствий. И ждала еще большего! Но и последствия у этих радостей тоже были совсем другие. И девушка предупредила его об этом в своем ультиматуме. А следовательно, нужно взвешивать готовность столкнуться с этими последствиями. Или иметь дело с такими женщинами, которые довольствуются статусом любовницы. Например, в случае с Ксюшей он явно оказался не готов выполнить ее требования и отказаться от свободы, а потому отступил... Вот и ответ на беспокоивший его вопрос!

Другое дело Лана. Почему-то ему казалось, что отношения с ней могут быть менее обязательными и более спокойными. Но возобновить он их собирался уже после возвращения из экспедиции. Хотя по странному стечению обстоятельств экспедиционный отдел НИИ природы находился недалеко от улицы Полянка, на которой жила эта девушка. И Петя воображал, как он в своем экспедиционном обличье может случайно встретить ее и безразлично процедить сквозь зубы, что уезжает в Сибирь, в тайгу. А она начнет его отговаривать (как Ксюша), может, даже плакать... Но он, взвалив рюкзак на плечи, не оборачиваясь скроется за поворотом и оставит ее жалеть о том, что не стала для него путеводной звездой!

Он понимал, что эти наивно-романтические мысли являются остаточными явлениями его детского существа, от которого ему необходимо было избавиться. Для этого он и уезжал в экспедицию.

Однако подготовительной работы оказалось действительно очень много. Ольга Петровна взяла Петю в оборот, и на романтические грезы времени, слава богу, не оставалось. Кроме того, расспросив молодого человека о его обстоятельствах и узнав, что Петин провал в институт был связан с нераскрытой темой сочинения, она, кандидат филологических наук и опытный экзаменатор, взялась натаскивать его по языку и литературе. В результате все Петины мысли в конце концов заполнили банки с тушенкой и сгущенным молоком, пачки кофе и какао, пакеты с крупами, бинты, пластыри, палатки, спальники и многое другое. А в промежутках между добытием и тасканием этого добра он должен был отвечать на вопросы своей шефины, касавшиеся правил русского языка, запоминать, почему Печорин из повести Лермонтова, который ему всегда очень нравился, является лишним человеком и тому подобное...

Предметом особой озабоченности руководителя экспедиции была аппаратура. Валерий Петрович контролировал все, что имело к ней отношение, но иногда привлекал к этому Петю. Часть приборов не имела маркировки, а инструкции к ним были напечатаны на обычной пишущей машинке. Как объяснил почти шепотом руководитель, это были изделия секретных отечественных лабораторий, изготовленные специально для решения стоящих перед их коллективом задач. А другая аппаратура имела заграничную маркировку, которую Пете было велено

снять или закрасить. Она попала к нам нелегально, усилиями секретных агентов на Западе, и поэтому не должна была засветиться. Отвинчивая таблички с названиями известных во всем мире фирм и заводскими номерами, Петя размышлял о том, что и без них эти приборы можно было с первого взгляда отличить от неказистой нашей аппаратуры по элегантному виду, наличию эргономичных кнопок и клавиш, удобной и понятной индикации режима работы и выдаваемой информации. Все снятые таблички Валерий Петрович забрал, аккуратно сложил в пакет, опечатал и отправил в первый отдел.

Просматривая и переводя приложенные к иностранным приборам инструкции с указанием комплектации, Петя понял, что на каких-то предшествующих этапах из упаковки были извлечены и «приватизированы» прилагавшиеся в изящных пеналах наборы инструментов для настройки. Молодой человек сказал об этом Валерию Петровичу. Тот грустно улыбнулся и пожал плечами:

– Нищета наших людей приводит к тому, что к их рукам что-нибудь да прилипает, особенно из того, что они считают госимуществом. А следовательно, ничейным. Петр, посмотри, пожалуйста, сможем мы обойтись без этого инструментария? А иначе я вынужден буду подать рапорт в инстанции, ответственные за наше обеспечение аппаратурой. Но это, конечно, морока. Да и врагов себе можно нажить...

В свое время отец учил маленького Петю делать отвертки из гвоздей. И в данной ситуации он воспользовался этими навыками. Валерий Петрович был этим очень доволен! И не скрывал того, что замена Гали на Петю его весьма устраивала.

– Конечно, – говорил он, – девушка-лаборант – это хорошо, но мальчишка, да еще рукастый, в такой экспедиции нужнее!

Петя был счастлив похвалой. В своих грезах на дачном чердаке об Арктике-Антарктике или дальних морских походах он не мог вообразить и половины того интересного, что сулила ему данная поездка! А предстоящая работа на оборудовании самого высокого класса должна была дать юноше необыкновенные знания и навыки.

Наконец подготовительные мероприятия были завершены, и вся экспедиция в составе десяти человек собралась на родном для Пети поезде на дачу Ярославском вокзале Москвы для того, чтобы отправиться в путешествие по Транссибирской железнодорожной магистрали, знаменитому Транссибу.

Путешествие по Транссибу

В состав экспедиции вошли три женщины и семь мужчин. Кроме Пети и Ольги Петровны, все остальные были штатными сотрудниками НИИ природы и хорошо знакомы друг с другом.

Начальник, Валерий Петрович, ехал со своей супругой, которая работала в том же институте, но в другом отделе. Очень близкие отношения связывали и еще одну пару путешественников: заместителя Валерия Петровича и его помощницу. Эта компания заняла четырехместное купе и большую часть времени проводила в нем. Они вели себя тихо, интеллигентно, читали, вели разговоры на профессиональные темы. Но периодически одна из пар выходила в коридор и оставляла другую в купе наедине друг с другом. Кроме этого, эти женщины вместе с Ольгой Петровной занимались приготовлением завтраков, обедов и ужинов для всего их коллектива.

Петр оказался в компании с тремя мужчинами. Они производили впечатление бывалых путешественников и крепких собутыльников. В их взаимоотношениях все было доведено до автоматизма и четко распланировано: утром, почистив зубы и умывшись, они начинали за чаем планировать очередное возлияние на троих и продумывали, как это осуществить с минимальными затратами. Распределяли между собой роли. Во время стоянки поезда эта троица разбегалась каждый в определенном ему направлении и к моменту отхода впрыгивала в вагон с добычей. Гордые этим достижением, они объединяли принесенное и, крикнув, распивали спиртное на троих и закусывали. Это не исключало их полноценного участия в обеде или ужине за общим столом, когда в ход шли экспедиционные харчи. Вечером они повторяли этот номер и снова «соображали» на сон грядущий. А потом с чувством хорошо прожитого дня отключались. Неформальным лидером у этой троицы был весьма основательный человек, внешне напоминавший недавно освобожденного из мест лишения свободы ээка. Его все звали Шурик. У него весь рот состоял из металлических зубов, а на пальцах были наколоты буквы, составлявшие женское имя. Петра они в эти свои «мероприятия» никак не вовлекали, но и ничем его не ущемляли. Поэтому Петино настороженное отношение к этой компании постепенно улетучилось.

Ольга Петровна ехала в купе с еще тремя женщинами, не относящимися к экспедиции. И ее это вполне устраивало. Она там отдыхала от общественной суеты, но легко откликнулась на все предложения.

Резко отличался от всех десятый член экспедиции. Он тоже ехал отдельно от всех, так как остальные его сторонились. Это был тот самый розовощекий брюнет с крючковатым носом и отталкивающим взглядом, которого Петя видел во время «допроса» в первом отделе института. В глаза его все называли Алексеем, а за глаза – Особистом. Ему было лет сорок, он отличался высокомерием, апломбом и амбициозностью. Алексей прислушивался ко всем разговорам, что-то записывал себе в блокнот, пресекал темы, которые, по его мнению, не терпели чужих ушей, и трясся над аппаратурой. Он всех порядком раздражал, но его это не волновало.

Валерий Петрович и его заместитель взялись обучать Петра работе на тех приборах, с которыми ему как лаборанту предстояло иметь дело. Молодому человеку это было очень интересно, и он легко вникал в физическую сущность устройства этой аппаратуры, так как хорошо знал физику в объеме средней школы и любил ее. Алексей попытался контролировать и эти беседы, но руководитель экспедиции довольно резко его одернул, потребовав, чтобы тот не вмешивался в не касающиеся Алексея компетенции.

А Особисту с самого начала приглянулась Ольга Петровна, и он к ней постоянно и грубовато, по-мужски подъезжал. Петя подружился с этой женщиной во время подготовки к отъезду, проникся к ней симпатией и уважением за легкий невластный характер. А кроме этого, был благодарен за натаскивание на ниве литературы. Ему не нравилось это панибратское отношение Алексея к его шефине. Но Ольга Петровна с Алексеем вела себя кокетливо, хотя и не попу-

стителствовала. И Петр решил, что взрослые люди и без него между собой разберутся. Алексей тоже, видимо, был не в восторге, что мальчишка часто отвлекает на себя понравившуюся ему женщину. И, разобравшись, на какой почве это происходит, стал презрительно называть юношу Двоечником.

На эту поездку, занявшую несколько суток, пришелся день рождения Валерия Петровича. По этому поводу был устроен специальный праздничный ужин с выпивкой. Уже упомянутая троица не стала отменять свои регулярные возлияния, которые она рассматривала как способ вести здоровый образ жизни, «дезинфицируя» организм в походных условиях. Поэтому добавившееся за праздничным столом горячительное быстро подействовало на этих мужичков. И один из них, Шурик, заснул прямо за столиком купе, уткнувшись носом в алюминиевую миску. Обе пары ушли к себе, а Петя достал книгу и погрузился в чтение.

Напротив сидели Алексей и Ольга Петровна. Особист, подстегиваемый винными парами, сгрёб руками женщину и начал ее домогаться. Ольга Петровна, похотывая, отбивалась от него, но Алексей был очень настойчив. Петр раздумывал, как ему поступить. Это были взрослые люди, практически ровесники его родителей. Вмешиваться в их отношения ему было неловко. Конечно, Особист был ему крайне неприятен, но он не замечал, чтобы Ольга Петровна плохо относилась к этому субъекту. Однако дело принимало серьезный оборот: голос женщины становился все более раздраженным, а Алексей, не обращая на это внимания, уже забрался к ней под юбку и, тяжело дыша, орудовал там. Петр отложил книгу и решил положить этому конец. Но в это время из миски вынул свое лицо Шурик и, оскалив полный металлических зубов рот, протянул свою в наколках лапу в сторону Алексея, взяв его как кота за шиворот, сдернул с Ольги Петровны.

– Ты что, гнида, не слышишь, что женщина не желает?! А ну, дуй отсюда, стукач недобитый! А то я из тебя всю твою мерзкую душонку вытрясу!!!

Перепуганный Алексей рванул к двери. При этом он споткнулся обо что-то на полу и, падая, вывалился из купе. На пол он не упал, ухватившись за скобу коридорного окна, но перекрыл собой проход по вагону. Его задница при этом смешно откряжилась кверху. В это время по коридору шел человек, державший за ручки сразу несколько подстаканников с горячим чаем. Перед неожиданно вывалившимся из купе Алексеем ему пришлось резко затормозить. И большая часть этого чая выплеснулась на задранную кверху часть тела Алексея и его промежность. Раздался берущий за душу вой человека, которого начали заживо варить. Из других купе стали выскакивать перепуганные люди, среди которых были Валерий Петрович и его заместитель. Они подхватили Алексея с двух сторон под мышки и внесли с волочащимися ногами в свое купе. Оттуда, запахивая халатики, выскочили их дамы. Им там оставаться было неловко, так как Алексей нуждался в медицинской помощи в области интимных частей своего тела. А Шурик как ни в чем не бывало снова уронил свое лицо в миску и даже захрапел.

Ольга Петровна, которую Алексей уже почти опрокинул на спину, снова уселась и не спеша одернула задранную юбку, убрав из поля зрения Пети свои весьма гламурного вида штанишки. При этом она лукаво проследила за нескромным взглядом Петра, заинтригованного ее нижним бельем. Заметив это, Петр по-детски смутился. А Ольга Петровна подумала:

«А ведь паренек вдруг осознал, что я еще и интересная женщина! Кто его знает, что из этого получится? Может, он захочет со мной не только литературой заняться?! Нужно будет ему намекнуть, а то он чересчур уважительно ко мне относится!»

Но вслух она заявила:

– Поделом мерзавцу досталось! Но, правда, такого несчастья я ему не хотела... А вообще, Петя, имей в виду, жизнь женщины очень сложна... А потому к нашим слабостям нужно относиться снисходительно... И не стесняйся женщину пожалеть и приголубить...

Она собиралась развить эту мысль в более ясный для него намек, но в это время в купе зашли две другие дамы и стали выяснять, что здесь произошло. Ольга Петровна им все объ-

яснила. И по мимике женщин было видно, что особого сочувствия они к Алексею не испытывают. В то время как Шурик заслужил от них восторженные комплементы.

– А этот Особист не навредит потом Шурику? – шепотом спросила приятельниц Ольга Петровна.

– Вряд ли, – также шепотом ответили они. – Шурик у нас в НИИ занимает самую маленькую должность для человека с высшим образованием – старшего лаборанта. Его не разжалуешь. А специалист он в своем деле суперклассный! Руки золотые! Без него на самом важном сейчас направлении института вся наука встанет!

– А по партийной линии его не могут?..

– Нет! Он не член партии. И по этой линии его тоже не ухватишь. Даже тюрьмой его не напугать. Наколки видела? Он через все прошел! А за правое дело Шурик умеет драться классно и самозабвенно, не щадя себя. Недаром у него все зубы вставные! Так что лучше такому трусу, как Алексей, с ним не связываться!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.